

Известно ведь: чем более совершенным и неприкосновенным кажется нечто, тем большее наслаждение испытываешь при его разрушении.

Бросив в воду случайно попавшийся под руку фрукт, она тут же собрала у поверхности целую стаю золотых карпов, яростно бросившихся наперегонки за едой. Точно так же те, кто вынужден уповать на чужое милосердие, решая вопрос собственной жизни и смерти, ради крошечной приманки готовы позволить вертеть собой как угодно.

Вот только интересно, ско долго этот «игрушечный» противник сможет её развлекать...

Хэ Янься держала в руке чашку чая, спокойно наблюдая за тем, как рыбы в пруду борются за корм, а её изящные пальцы бережно поигрывали с тонким белоснежным нефритом. Сквозь лёгкую дымку пара смутно проступала чуть изогнутая в улыбке линия губ.

В последующие дни Му Цзышань больше не видела Хэ Янься — казалось, та совсем забыла о пойманной лазутчике. И всё же, хотя сама она больше не появлялась в темнице, каждый день по расписанию заключённую «награждали» порцией кнута. Это напоминало обязательный ежедневный ритуал: хотя удары по-прежнему наносились со всей силой, по сравнению с первыми днями их количество заметно уменьшилось.

Трудно было сказать, потеряли ли люди Дворца Цюньин терпение к узнице, из которой всё равно невозможно было вытянуть ни слова, или же они больше не рассчитывали добиться от неё хоть каких-то сведений. А это означало, что день её смерти был уже не за горами.

При этой мысли Му Цзышань неожиданно почувствовала некоторое облегчение. По сравнению с бесконечными пытками, быстрая и лёгкая смерть казалась ей даже предпочтительнее.

Слова, сказанные той женщиной в тот день, долго не давали ей покоя, но за прошедшие дни та так и не заговорила о младшей сестре. Если бы они поймали её, то непременно стали бы шантажировать этим. Раз они этого не сделали, значит, младшая сестра уже сбежала отсюда. Видимо, тогда та женщина просто пыталась прощупать её почву и вывентить хоть какую-то информацию. Вспомнив, как едва не угодила в их ловушку из-за охватившего её беспокойства, Му Цзышань невольно ощутила страх.

Оставалось лишь надеяться, что младшая сестра уже в безопасности, и тогда она сможет со спокойной душой принять смерть, не подвергаясь больше бессмысленным издевательствам со стороны этих исчадий Демонической секты.

Поэтому в этот день, глядя на спускавшуюся по ступенькам темницы Хэ Янься, Му Цзышань смотрела на неё не только с презрением, но и с явным вызовом, а на её губах играла насмешливая улыбка. Му Цзышань думала: если удастся разозлить эту женщину и та прикончит её одним ударом, это будет даже за благо. Поэтому, в отличие от прежних дней, когда она брезгливо избегала смотреть на Хэ Янься, на сей раз Му Цзышань сама уставилась на главу Дворца Цюньин, спустившуюся в темницу в роскошных одеждах — так, словно пыталась испепелить стоящую перед ней женщину одним лишь взглядом.

Хэ Янься заметила, что та смотрит на неё с улыбкой. Хоть лицо пленницы и было искажено презрением и ненавистью, улыбалась она невероятно красиво.

- Натерпевшись побоев за столько дней, ты наконец-то немного поумнела, - произнесла Хэ

Янься и, ущипнув её за подбородок, легко повернула к себе, заставляя смотреть прямо, а не исподлобья.

Му Цзышань не понимала, чего именно добивается Хэ Янься. У той были тонкие и изящные пальцы, но силы в них крылось невероятно много — стоило им зажать её лицо, как она оказывалась совершенно бессильна.

– Ты очень красиво улыбаешься. Улыбнись мне ещё разок? – Хэ Янься озарила её мягкой улыбкой, от которой, однако, Му Цзышань стало не по себе.

Меньше всего она ожидала услышать от Хэ Янься подобный вопрос. Если бы та приказала вытащить её наружу и казнить или же назначила ещё два десятка жестоких пыток, Му Цзышань ничуть бы не удивилась. Но эта фраза заставила её замереть и долго соображать, в чём дело.

Хэ Янься разжала пальцы, легко провела ими по её брови, щеке и, наконец, замерла на губах. За последние дни Му Цзышань перенесла немало мучений; если бы не её многолетняя боевая выучка, она едва ли смогла бы продержаться эти два месяца. Вот только времени на отдых почти не оставалось, боль и терзания почти притупили её нервы, тело постоянно кровоточило от новых ран, к тому же началось сильное обезвоживание. Губы Му Цзышань давно утратили всякий цвет и потрескались от недостатка влаги, поэтому прикосновение Хэ Янься отозвалось лёгким, колющим жжением, однако выражение её лица ни капли не изменилось.

Хэ Янься убрала руку от её лица, пошарила в рукаве и достала изысканную корочку из фиолетового дерева. Размером она была чуть больше голубиноного яйца, крышку украшал белый нефрит, а края обрамляла золотая кайма. Му Цзышань знала, что та во всём любила доведённую до крайности роскошь. Глядя на столь тонкую работу, можно было предположить, что и содержимое окажется непростым — кто знает, не таится ли внутри та самая легендарная смертоносная отравка Дворца Цюньин, убивающая от малейшей капли крови.

Хэ Янься открыла шкатулку, но внутри не оказалось ни пилюль, ни жутких на вид гу-червей. Там лежала лишь ярко-алая мазь — чистая, полупрозрачная, — хотя никто не знал, какая ещё странная дрянь в ней кроется. Хэ Янься протянула палец и слегка зачерпнула содержимое шкатулки. Её ногти были гладкими и белыми, как нефрит, а на кончике пальца ярко алела капелька яркой краски — неописуемо прекрасное зрелище. Однако, стоило Му Цзышань вспомнить о бесчисленных невинных душах, погубленных этими самыми пальцами, как её охватило глухое отвращение.

Заметив, что алая мазь тянется за пальцем Хэ Янься, а та подносит его к её собственным губам, Му Цзышань подумала, что эта женщина, пожалуй, решила отравить её напоследок. Мысль о том, что она наконец избавится от мучительных страданий последних дней, вовсе не испугала её. Му Цзышань лишь ждала, когда яд окажется у неё во рту, но палец не продвинулся дальше. Вместо этого алая точка легла на её губы.

Хэ Янься аккуратно и тщательно растерла по ним мягкую багряную мазь. Му Цзышань не

понимала, к чему клонит эта женщина, но ощутила, как от губ повеяло тонким, незнакомым ароматом.

Так ты выглядишь куда лучше. Хэ Янься приподняла лицо Му Цзышань, некоторое время внимательно разглядывала его, а затем лукаво улыбнулась. Му Цзышань тут же сообразила: оказывается, то, что только что было на пальце этой демоницы, вовсе не яд, а обыкновенная женская румяна для макияжа.

Она понятия не имела, что у этой женщины на уме и есть ли в румянах яд. Впрочем, если бы они оказались ядовитыми, это даже к лучшему — по крайней мере, удалось бы легко вырваться из этого проклятого места. За все эти годы ей не раз приходилось смотреть в лицо смерти, поэтому она, в отличие от других, вовсе не дорожила собственной шкурой. Умри она — и вряд ли кто-то станет по ней сильно горевать.

Если младшей сестре удастся сбежать, наверняка она придёт потом навестить её могилу. Только вот как она справится в будущем без её заботы? Не начнёт ли кто-нибудь её обижать?

Если она умрёт, станет ли сестра о ней тосковать?

От этих мыслей Му Цзышань потеряла нить происходящего, на сердце стало тяжело, и накатила смутная, горькая тоска.

Не успела она прийти в себя, как подручные Хэ Янься сняли с неё тяжелые железные цепи. За последние дни тело измотали пытками, в нём давно не осталось и капли сил, и стоило путам ослабнуть, как Му Цзышань рухнула на пол.

Подняв голову, она увидела, что Хэ Янься с живым интересом разглядывает её, словно какую-то забавную игрушку. Такой взгляд был крайне неприятен Му Цзышань, и в её глазах к Хэ Янься вспыхнуло еще больше ярости и ненависти.

Однако она и представить не могла, что мысли Хэ Янься сейчас бесконечно далеки от того, что она воображала. Глядя на едва заметные румяна на губах Му Цзышань, которые на фоне обескровленной от пыток кожи и предельного изнеможения придавали даже её произвольным движениям трогательную выразительность, Хэ Янься отмечала про себя: прежде строгая и свирепая, с легким макияжем эта женщина приобрела некое очарование и мягкость. Всё было именно так, как она и предполагала — если эту особу хоть чуть-чуть накрасить, она вполне сойдет за красавицу.

Увидев, что Му Цзышань упала, Хэ Янься приказала подручным поднять её.

Хотя это называлось поддержать, церемониться с пленницей не стали. Му Цзышань после нескольких дней истязаний и скудной похлёбки превратилась в ходячий скелет, обтянутый кожей, и тот амбал подхватил её без всякого труда. У Му Цзышань не осталось сил сопротивляться, и она безвольно повисла в его руках.

Хэ Янься зашагала впереди. Какое-то время они шли в молчании, пока шедшая позади Му Цзышань по-прежнему не издавала ни звука. Наконец Хэ Янься усмехнулась и бросила через плечо:

— Неужели тебе совсем не интересно, куда я тебя везу?

Му Цзышань не удостоила её ни единым словом. Хэ Янься ничуть не сердилась, на её губах по-прежнему играла улыбка.

Одурманенная тяжелым полусном, Му Цзышань брела вперёд, несомая здоровяком, и ей было абсолютно всё равно, куда её велекут. Даже если бы Хэ Янься вздумала вновь подвергнуть её сорока девяти жестоким пыткам, она бы не испугалась. Но те неторопливо брошенные слова, что донеслись из уст идущей впереди женщины, заставили её сердце сжаться от леденящего ужаса.

— Я везу тебя повидаться с твоей младшей сестрой.

Голос Хэ Янься звучал мягко и звонко, но для Му Цзышань он прозвучал голосом злого духа, в котором сквозила невыразимая жестокость и жуть.

Заметив, как переменилось лицо Му Цзышань, Хэ Янься даже предвкушала, как та отреагирует при встрече с сестрой.

Шагнув в комнату, они сразу же увидели Цзинь Юэ, подвешенную за руки на деревянном столбе. На её теле не осталось живого места, оно было сплошь покрыто густой сетью мелкими следами от ударов хлыста. При виде этого Му Цзышань едва не бросилась вперёд, желая искромсать на куски амбала, что истязал Цзинь Юэ батогами, но чья-то мёртвая хватка намертво вцепилась ей в запястье, не позволяя вырваться.

Перед уходом Хэ Янься нарочно нанесла Му Цзышань румяна на губы, приговаривая, что так та будет выглядеть бодрее и младшей сестре не придётся за неё переживать.

Му Цзышань последовала за ней сюда, но младшая сестрица уже потеряла сознание.

Хэ Янься даже изобразила на лице подобие сожаления, сокрушаясь, почему это девчонка отключилась от стольких пустячных ударов. Глядя на неё, Му Цзышань жаждала лишь одного — стереть эту тварь в порошок и искромсать на мелкие кусочки.

Хотя взгляд Му Цзышань метал в неё смертоносные молнии, Хэ Янься оставалась совершенно равнодушна — на её губах по-прежнему блуждала легкая улыбка, словно происходящее не имело к ней никакого отношения. Молчавшая целый день Му Цзышань наконец заговорила. Из-за предельной ярости её голос слегка дрожал, но в глазах застыла такая густая жажда убийства, словно ядовитая змея, выбравшаяся из преисподней, собралась единым броском впиться в горло стоящему перед ней человеку.

Хэ Янься, увидев этот взгляд, вовсе не рассердилась — напротив, ей показалось это чрезвычайно забавным.

В последние годы осталось совсем немного тех, кто осмеливался смотреть ей прямо в глаза, а уж людей, способных открыто излучать такую смертоносную ауру перед её лицом, она не встречала, пожалуй, с пятнадцатилетнего возраста.

Она-то думала, что та до самой смерти будет сохранять своё ледяное, полное презрения выражение лица, но никак не ожидала, что та сможет выказать столь яростные эмоции.

Это было поистине интересно.

— Ты так переживаешь за эту девчонку? — с лучезарной улыбкой произнесла Хэ Янься и бросила взгляд вглубь комнаты, где лежала потерявшая сознание девушка. Той было лет семнадцать-восемьдесят, лицом она уродилась писаной красавицей, а кожа казалась такой нежной, что её можно было проткнуть дуновением ветра. Каждое из оставленных на её теле ударами кнута кровавых впрочем, они уходили глубоко в плоть, — но выносливостью она явно не превосходила стоявшую перед ней пленницу: Хэ Янься даже не успела применить к ней второе наказание, как та уже лишилась чувств от боли.

— Чего ты в конце концов добиваешься? — Му Цзышань впервые за всё время пребывания во Дворце Цюньин заговорила с такой откровенной яростью. Хэ Янься знала: будь у той хоть немного сил, она бы без раздумий убила её, но после двух с лишним месяцев жестоких истязаний та, должно быть, сейчас не смогла бы одолеть даже цыплёнка.

— Хочешь узнать, как мне удалось вывести ваши тайны? — не отвечая на вопрос Му Цзышань, Хэ Янься задала ей свой.

Му Цзышань промолчала, лишь холодно глядя на неё. Хэ Янься улыбнулась и, не дождавшись ответа после долгого молчания, извлекла из запазухи письмо и протянула его Му Цзышань.

Та приняла конверт, подняла на неё глаза и, заметив, что выражение лица мучительницы осталось прежним, снова опустила взгляд на письмо в своей руке.

Почерк не принадлежал Цзинь Юэ, но казался странно знакомым, хотя вспомнить владельца сразу не удавалось.

В её руке лежало любовное послание, полное банальных излияний о цветах, луне и свиданиях под покровом ночи, вот только каждая фраза была написана со страшной осмотрительностью, словно отправитель смертельно боялся выдать свои сокровенные чувства.

Му Цзышань недоумленно нахмурилась, но Хэ Янься, улыбнувшись, сама дала ей ответ:

— Это носила при себе твоя младшая соученица.

Услышав это, Му Цзышань почувствовала, как внутри всё сжалось, и в памяти внезапно всплыла картина, виденная ею в тот день в задней роще.

Тогда Му Цзышань, как обычно, занималась тренировками в горах. От природы любящая тишину и уединение, она никогда не присоединялась к другим младшим братьям и сестрам по секте. В тот день, намереваясь перед возвращением завернуть к горному ручейку и сделать глоток воды, она подошла к берегу и случайно заметила две прижавшиеся друг к другу фигуры.

Му Цзышань не хотела мешать чужому уединению и собиралась, утолив жажду, обойти их стороной, но прежде чем она успела сделать глоток, раздался мягкий, робкий девичий голос, позвавший: «Старший соученик Чу». Этот голос был знаком ей лучше собственного. Подняв глаза, она увидела никого иного, как свою младшую соученицу.

А тем, кто сидел рядом с девушкой, оказался её младший соученик Чу Линсун. Этот юноша поднялся в горы для изучения боевых искусств в весьма юном возрасте; с малых лет послушный и смыслённый, он снискал глубокую любовь наставника. К тому же его семья была влиятельным и знатным родом в Фучжоу, где располагалась Секта Тяньюй, а сам он слыл человеком благородного происхождения — писанным красавцем, сведущим в науках и обладающим безупречными манерами, из-за чего многие ученицы секты питали к нему тайную симпатию. Младшая соученица же отличалась миловидной, чарующей красотой и безмятежно-чистым нравом, а её отец был богатым купцом из Сучжоу. Если бы не слабое здоровье в детстве и совет какого-то даоса отправить девочку на духовное обучение, дабы преодолеть грозившие ей смертные недуги, родители едва ли решились бы отпустить её от себя и позволить одной отправиться в Фучжоу постигать боевые искусства. Соученица с младых ногтей хворала, в тренировках уступая остальным ученикам, однако обладала изящной фигурой и кожей белее снега, благодаря чему завоевала сердца многих юношей в секте. Впрочем, именно по этой причине она неизменно становилась мишенью для зависти.

Характер у неё был на редкость мягкий, из-за чего её то и дело задирали старшие соученицы. Му Цзышань состояла в секте третьей по старшинству, пришла туда намного раньше и была значительно старше, а потому каждый раз, видя притеснения в адрес младшей, невольно заступалась за неё и тревожилась о её судьбе. Со временем это вошло у неё в привычку: она незаметно взяла девочку под своё крыло, постоянно опекая её, то явно, то тайком. Малышка отвечала ей искренней благодарностью и, стоило ей раздобыть какое-нибудь вкусное или забавное лакомство, несла его в первую очередь третьей старшей соученице.

Сама Му Цзышань отличалась суровым нравом и чуждалась людей: несмотря на долгие годы в секте, она ни с кем не сблизилась, за исключением этой младшей соученицы. Та совершенно не обращала внимания на её ледяное выражение лица и по-прежнему бежала к ней с любой диковинной вещицей, стремясь разделить радость. Не заметно для себя Му Цзышань постепенно привыкла к тому, что это наивная и милая девочка находится рядом, и со временем стала говорить с ней всё чаще. Вскоре они стали неразлучны, куда бы ни направлялись, всегда ходя вместе. Му Цзышань, хоть и держалась со всеми холодно, не была лишена чувств. Эта младшая соученица относилась к ней с добротой, и хотя Му Цзышань не произносила этого

вслух, в душе она была глубоко признательна. С малых лет у Му Цзышань не было ни отца, ни матери: хотя её и приютила секта, людей там было много, и наставник никак не мог уделять каждому ученику столько внимания, сколько хотелось бы, так что с самого детства о ней, можно сказать, почти никто по-настоящему не заботился. Эта же младшая соученица относилась к ней как к родному человеку, была готова отдать самое вкусное и интересное, даже отказываясь ради неё от собственного. Поэтому для Му Цзышань её чувства были сродни привязанности к единственному другу и близкому человеку в целом мире, и ей самой хотелось одарить младшую соученицу всем самым лучшим.

Издаലെка она увидела, как щеки младшего соученика покрылись румянцем, а на младшую соученицу он смотрел с таким нежным и трепетным обожанием, будто готов был всю жизнь беречь её на ладонях, не отпуская ни на мгновение. Сама же младшая соученица стояла с застенчивым и смущенным лицом — неизвестно, что только что сказал ей соученик Чу, но казалось, будто она готова спрятать голову в землю у самых своих ног.

Если бы соученик Чу и младшая соученица были вместе, их можно было бы назвать идеальной парой, подходящей друг другу во всех отношениях. Му Цзышань не могла найти ни единого изъяна ни в его происхождении, ни в благородном нраве. К тому же с самого прихода в секту он неизменно окружал младшую соученицу заботой, и было очевидно, что его чувства к ней чисты и искренни... Если в будущем они сойдутся, младшая соученица, должно быть, обретет великое счастье.

Однако по неизвестной причине, видя их вместе, Му Цзышань не могла радоваться — что бы она ни чувствовала.

Младшая соученица носила это любовное письмо с собой, значит, дорожила им больше всего на свете. Если она не ошибалась, это послание наверняка написал ей соученик Чу. Но Му Цзышань никак не могла взять в толк, с какой целью Хэ Янься передала это письмо ей самой.

— В Фучжоу, где располагается Секта Тяньюй, растет особый Бамбук Фиолетового Инея. Его стебли источают легкий, едва уловимый аромат. Если сварить его, измельчить в кашу и использовать этот состав для прессования бумаги, готовый лист будет обладать точно таким же ароматом...

Хэ Янься говорила неторопливо, и Му Цзышань, услышав название Бамбук Фиолетового Инея, сразу всё поняла.

Этот бамбук произрастал исключительно в Фучжоу, причем только на крутейших горных обрывах, и найти его удавалось совсем немного. Бумаги же, получаемой из такого бамбукового сырья, и вовсе изготавливались крохи, из-за чего за листы подобной бумаги порой не удавалось выручить даже золото и серебро.

Соученик Чу не пожалел больших денег, чтобы купить эту бумагу и написать младшей соученице любовное письмо. Было очевидно, что он бесконечно дорожит ею и считает лишь такие вещи достойными выразить глубину его чувств. Младшая соученица же, будучи натурой

простодушной, носила письмо при себе лишь потому, что его написал любимый человек, и даже не подумала, что эта вещь выдаст их происхождение, сведя на нет все те изощренные усилия, с помощью которых они до этого скрывали свои следы.

Хэ Янься за годы странствий по Цзянху повидала немало и обладала огромным опытом. Получив письмо, она, должно быть, сразу узнала бумагу, прессованную из Бамбука Фиолетового Инея. Подобная бумага водилась лишь в Фучжоу, и раздобыть её за пределами тех мест удавалось крайне редко, а поскольку Фучжоу был вотчиной Секты Тяньюй, ей стоило лишь отправить людей немного всё расследовать, чтобы с легкостью раскрыть их личности.

При мысли о том, что они с соученицей выдали себя из-за такой мелочи, Му Цзышань не могла отделаться от горького чувства досады. Теперь, когда Хэ Янься уже выяснила, кто они такие, оставалось только гадать, что она предпримет дальше.

— Чего ты в конце концов добиваешься? — спросила Му Цзышань, подняв взгляд после прочтения письма. В её глазах не было ни капли страха, лишь беспричинная ненависть и брезгливость.

— Меня не интересуют такие люди, как вы, из праведных сект. Раз вам не победить нас в честном бою, вы способны лишь прибегать к подобным подлым уловкам. Но сколько бы сотен или тысяч людей вы ни прислали в засаду в нашу сектору, вы всё равно ничего со мной не сделаете.

Хэ Янься улыбнулась, и в её голосе звучала огромная гордость, которая, впрочем, не казалась высокомерной — во многом потому, что её слова действительно были правдой.

Му Цзышань и соученица больше года пробыли в Дворце Цюньин под видом служанок, но кроме как выполняли поручения местных адептов, им так и не удалось вывести ни единой полезной вести. Они изначально планировали пробыть здесь еще месяц, а затем найти удобный момент, чтобы покинуть Дворец Цюньин и вернуться в секту с докладом, но никак не ожидали, что перед самым уходом их разоблачат и обеих разом схватит Хэ Янься.

— Раз так, тебе больше не о чем говорить. Если ты надеешься вывести у нас что-то о нашей секте, то можешь хоть замучить нас до смерти — это будет лишь пустой тратой времени и сил.

Му Цзышань выглядела непреклонной, а в её глазах читалась твердая решимость не проронить ни слова, даже перед лицом смерти.

Хэ Янься усмехнулась и снова провела кончиками пальцев по щеке Му Цзышань. Заметив охватившее ту отвращение, она рассмеялась еще торжествующее.